

Сознание как архивариус. На пути к психоматике: дисциплине, которая обнаруживает новые интеллектуально-духовные функции

Ю.В. Громыко

В статье представлена концепция сознания, являющаяся развитием как классических подходов к сознанию европейских философов (немецкая классическая философия, Гуссерль, Хайдеггер, Мерло-Понти и т.п.), так и буддистского понимания этого феномена. Автор предлагает рассмотреть мысль как вещь (организованность) сознания. Сама мысль представлена как единство разнородных сущностей: духовно-эмоционального состояния и отношения-направленности. Вводится представление о слоистой структуре организации сознания, содержащей четыре слоя: семиотико-семантический, зеркально-отражающий, континуально-динамический (процессуальный) и слой-единство противонаправленных движений человека. Рассматриваются четыре уровня организации сознания: уровень, на котором существуют вещи сознания; уровень достигаемого осознанного отсутствия мысли; уровень взаимодействия (в том числе, борьбы) с доминирующими формами сознания-понимания; уровень сознания цивилизационной общности, суперэтнуса и самосознания такой общности самой себя. Новое представление о сознании необходимо для формирования массовых практик антропологического развития как одного из ключевых факторов смены общего вектора общественного развития.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сознание, вещи сознания, уровни сознания, духовно-психические функции, психоматика.

ГРОМЫКО Юрий Владиславович – Институт опережающих исследований «Управление человеческими ресурсами» имени Е.Л. Шифферса, Москва, 123242, Малый Конюшковский пер., д.2, оф 207.

Доктор психологических наук, профессор, директор Института опережающих исследований им. Е.Л. Шифферса.

nmu2005@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 7 января 2019 г.

Цитирование: *Громыко Ю. В.* Сознание как архивариус. На пути к психоматике: дисциплине, которая обнаруживает новые интеллектуально-духовные функции // Вопросы философии. 2019. № 4. С. 185–195.

Тот, кто «дышал» энергией сознания или хоть раз в жизни прикасался к его природе, например, читая М. Пруста, поймет меня. Нет более притягательного предмета для анализа, чем сознание, в котором происходит бесконечное умножение миров. В сознании содержится все: окружающий мир, внутренний мир, сросшенность душевно-неуловимой, порхающей легкости бабочки-Психеи и материального, устойчивого, грубого. В нем содержится воспарение к духовному и отяжеление, огрубление материальным. Войдя пониманием в ауру сознания, в которой обнаруживается все: то,

что было, и то, чего еще не было, но оно, возможно, будет, то, что мы знаем, и то, что мы пока не знаем, то, что нам явлено, и то, что только снится, грезится, — мы становимся причастны невозможной для человека полноте. И мы интуитивно чувствуем, что сознание — это хранилище, какая-то особая форма архивирования, куда для обнаружения таящихся в нем вещей надо знать код доступа.

Заманчиво попробовать заново определить сознание — самый тонкий и сложный предмет. Сознание неуловимо, поскольку, являясь системой отражения, оно не отражает самое себя. Прикасаясь к сознанию сознанием (точнее — особым пониманием), мы чувствуем, что не касаемся ничего или касаемся НИЧТО. Являясь абсолютно проницаемым для любых «осознанностей», из которых оно и состоит, сознание не схватывается осознанностями, хотя они оказываются заряженными и проживаются, содержат в себе эмоциональный заряд состояния. Но каким образом можно осознать осознанности; вообще, возможно ли это? Их можно проживать как переживания и припоминать прожитое. Мы входим в вещи сознания — осознанности — другими осознанностями. Но отнюдь не все состояния сознания оказываются проницаемыми для других осознанностей. Более темное, менее светоносное состояние сознания проницаемо и схватываемо для более светозарного, просветленного, невесомого состояния сознания. Более темное можно высветить и наблюдать только на основе более светлого. Поэтому возможно абсолютное Ничто — это самый высокий, неуловимый уровень состояний сознания. Светозарность сознания — ключ к высвечиванию его состояний.

На наш взгляд, попытка рефлексировать форму и способы осознанностей, осознать осознанности является следующим этапом общечеловеческого, планетарного освоения сознания. На это, собственно, и направлено искусство: как обобществление способности видеть — живопись и скульптура, слышать — музыка, сопереживать и запрещать сопереживать — театр, литература и кино, приобщаться к благодати — религия. Сознание — это и есть форма работы с искусством и религией.

Именно поэтому сознанию должен быть посвящен музей Всечеловеческого Сознания и сознание должно быть осознано как музей. При подобном подходе сознание может выступить как гигантский музей всей мировой человеческой, планетарной истории, в котором может быть выпукло представлено родство/иностранность человека со всеми мирами — минеральным, растительным, животным, а также со всеми формами воображения и состояний. Сам переход от биосферы к ноосфере (сфере разума) и дальше к пневмосфере (сфере Духа) содержится в сознании. Но для того, чтобы наблюдать и понимать сознание, надо находиться в сфере Духа. Вход в музей сознания возможен только из состояний сознания. Это своеобразный архивариус всего, что происходило и случалось с человеческим родом, кунсткамера, которую каждый носит с собой, но разворачивает ее вне себя. Но только не каждый может вытащить из тайников сознания всю эту бесконечную систему экспонатов.

Одна из особенностей архивирования, накопления экспонатов в сознании состоит в том, что сознание — разросшаяся коллективизированная память, хранение и сбережение. Но хранение чего? Хранение, прежде всего, ужаса перестать быть человеком. Сконцентрированные усилия человечества по культивированию Духовной Памяти, по воспроизведению того, что нельзя забыть в виде особых культовых практик инициации, ужаса от совершенного святотатства, образуют первооснову сознания. Таким образом, сознание является формой, удерживающей от падения в инферность. Это как бы архивариус, сохраняющий идентичность Стража музея и не забывающий, зачем он нечто собирает и что он коллекционирует. Страж музея собирает и коллекционирует необратимость человеческого в человеке. Это — Страж, спасающий нас от блуждания в лабиринтах тьмы и потери человеческой формы. Европеизированное, расхристианизирующееся Человечество всеми силами пытается сегодня разломать и взломать Кайлаш, знаменитую Тибетскую гору, святыню тибетских буддистов, индуистов, сторонников религии Бон. Именно поэтому Кайлаш — это одно из символических воплощений мирового камня, в том числе, и Каббы ислама, который хранится во всяком сознании, преодолевшем состояние скота. Ведь Ады и инферность надо действительно отгородить от настоящей человеческой жизни. Образ горы-Кайлаша позволяет

пояснить метафору музея-сознания: в музее-сознании находится все — весь мир, но только Вещи Мира [Громько 1912, 44–53]¹ вытаскиваются из сознания, деархивируются по определенным правилам, в соответствии с определенным кодом, иницируя заданное состояние у наблюдающего эти вещи.

У сознания есть и другой этаж. Помимо этажей прошлого сознание хранит в себе этажи возможного другого будущего, движения к совсем иному уровню развития человека и человечества. Сознание является музеем вещей будущего, следовательно, вещей возможных и виртуальных. Поскольку часть из этих экспонатов никогда не станет вещами, они так и будут метками и бирками возможного. То есть они лишь станут обозначать, как из существующего сознания, из достигнутого уровня понималось и виделось другое будущее. Таким образом, это — музей представлений о будущем и предвосхищений будущего. Но есть, действительно, вещи, в которых проглядывается будущее и другие возможности в виде шапки-невидимки, ковра-самолета, яблочка на тарелочке: яблочко на тарелочке может показывать события, произошедшие в различных местах мира в разное время. Таким образом, сознание содержит в себе не только опыт прошлого, но и предугадываемые вещи будущего, расширяющие возможности человека и меняющие его представления о себе самом. Главное в этих вещах будущего — изменение самого сознания и изменение самого человека. Сознание, в отличие от психики, фиксирует возможное изменение человека вместе со всем человечеством. В этих утлых «скалах», неповторимо-единичных «фракталах» и «расщелинах» сознания есть области, где возникает конкретный риск отдельного человека исчерпать себя и не дожидаться того, что человечество в ближайшее время подхватит индивидуальную инициативу в самовозрастании. Человек может либо иссякнуть от перенапряжения и погибнуть биологически индивидуально, либо сгинуть духовно — обидеться на все человечество и людей и потащить мир в тьму кромешную.

В этих неприметных точках роста сознания Всечеловечества заключена страшная и удивительная возможность стяжания Духа Святого. Человек берется за то, что ему не под силу, и напряженно ждет помощи от Духа Святого, готовясь совершить деяние не своей силой. Человек претендует на то, что недоступно для его слабых, тщедушных человеческих сил: необходим «заступ, забегание в смерть» (Е.Л. Шифферс) и надежда в этом превозмогании себя на помощь Духа Святого. И Дух Святой выбирает иногда самого смиренного и через свершение невозможного, через его подвиг указывает движение всему роду человеческому. Таким образом, в музее сознания есть экспонаты, вокруг которых возможно стяжание энергии блаженства и действительно Божественной силы.

Но есть в сознании особый слой, особая фактура, присутствующая и в этажах прошлого, и в этажах будущего. Этот слой связан с воспроизведением психических функций, с постоянным генезисом и переоткрытием психики, этого своеобразного духовно-телесного континуума, который и образует психическое как таковое в виде восприимчивости-чувствительности, экстаичности-выражаемости и, наконец, потенциирования — обнаружения новых, иных возможностей. В океане сознания содержится образ психики — Души. Таким образом, музей сознания содержит в себе «экспонат», показывающий, как в него (в сознание) встроена психика, субъективная психическая жизнь во всем своеобразии неповторимости психических языков, как в Океане Сознания воспроизводится снова и снова психика. Эта встроенная психика содержит в себе все возможные коды взросления, но также и конкретную траекторию раскручивания той заведенной пружины, энергии, которая содержится в душе каждого человека. Двигаясь по этой траектории, человек, если он на это способен, может спуститься в любой интервал своей жизни и заново прожить его.

Для того, чтобы обладать условиями для воспроизведения психики, сознание должно обладать возможностью засекаать и останавливать мельчайшую единицу психическо-духовной активности, которой является мысль. С точки зрения А.М. Пятигорского, в европейском ареале философствования, в отличие от буддистского философствования, отсутствуют представления и модели, позволяющие фиксировать и описывать такую единицу, как мысль (*चितта*). В практико-техническом плане способность выделять

мысль в сознании предполагает овладение способностью останавливать мысль и формировать состояние немыслия, безмыслия в определенном ровном духовно-эмоциональном горизонте переживания. Очень важно, что немыслие можно переживать точно так же, как и мысль.

Но по поводу чего переживается и фиксируется немыслие, что такое так называемая мысль, которая и обнаруживает фактуру сознания — вещи сознания? Именно с уровня состояний безмыслия, немыслия могут быть отрефлексированы и выделены эти особые вещи сознания. Вещи сознания — это первый исходный базовый уровень. Уровень безмыслия или немыслия — это второй уровень, на котором фиксируется отсутствие вещей сознания. Сознание состоит из особого рода вещей, осознанностей-мыслей. Мысли — это те элементарные осознанности, которые схватываются, «засаекаются» в сознании. Неосознанных мыслей не бывает. Мысли, лишённые осознанности, — это не мысли. Другое дело, что мысли-осознанности, после того, как они были высказаны, могут переосознаваться, переосмысляться и т.п. На мой взгляд, то, что называется в индоевропейском ареале мыслью, или то, что может быть представлено в виде единицы сознания- осознанности, является особой гетероструктурой, единством двух разнородных структур. Эта гетероструктура состоит из духовно-эмоционального состояния и отношения-направленности. В осознанности-мысли как в мельчайшем кристалле сознания особого типа содержатся энергийный и объективный моменты структуризации мира. Духовно-эмоциональное состояние — это энергийная составляющая гетероструктуры. Объективный момент — это отношение, направленность на что-то, в конкретном случае — просто на внешнюю вещь. Не случайно древние индусы в упанишадах утверждают, что рождение мысли — это космогонический процесс, вселенское событие, равнозначное формированию новой туманности или галактики, какого-то нового элемента вселенной. Мы утверждаем, что процессуализированным материалом сознания, из которого состоит все сознание, являются подобные гетероструктуры: состояние и направленность.

Может быть построен типологический ряд подобных гетероструктур, где предельными типами таких кентаврообразных образований являются состояния с полностью редуцированной направленностью и, наоборот, отношение-направленность с почти отсутствующим состоянием, потерявшим свой энергийный заряд. Первый тип гетероструктуры — это эмоция-переживание, где никаких отнесений ни к чему внешнему практически нет. Такого типа эмоция-переживание существует, например, как форма напряжения-боли. Второй тип гетероструктуры — это отношение-направленность, «прилепленность» к чему-то внешнему, когда энергийное состояние исключительно только подпитывает саму эту прикрепленность. Конечно, очень важно понимать, что внутреннюю эмоцию и нечто внешнее сознание порождает из себя. Что-то выступает для сознания внешним только по отношению к состоянию.

Мы абсолютно уверены, что сознание Человечества выращивается в ритуальных религиозных практиках Преодоления Смерти, поэтому именно на основе ритуальных практик у человека культивируются особые состояния и воспроизводимые в ритуалах на основе выразительных жестов-танцев объективные картины мира. Человек обретает способность переживать состояния и выделять внешние объекты, которые первоначально формируются специальными, церемониальными, отчужденными до совершенства движениями в ритуале. Именно помещенный внутрь ритуала человек что-то переживает и к чему-то относится. Если дальше задаться вопросом: а где можно рассмотреть какие-то упорядоченные системы состояний, которые характерны для данного определенного этноса, данной традиции, данной культуры? — это, конечно же, в искусстве, прежде всего, в песне и поэзии, средствами которых воспроизводятся, иницируются и культивируются вполне определенные состояния. Отношение и состояние как единый слитый кристалл из принципиально разных, но взаимопроникающих друг в друга материалов — подлинная гетероструктура: переживательно-энергийное состояние и отношение, за которыми стоит отнесение к объективному. Отношение-отнесение питается этой энергией состояния, позволяет ему либо куда-то пройти, развернуться, либо просто живет на энергии этого состояния и им подпитывается.

вается, то есть «паразитирует» на состоянии. Отношение к объективному связано, прежде всего, с использованием схем, знаков, символов, в стихотворении – метафор, когда работа с материалом этих символов и метафор, например, в искусстве, не безразлична к тем состояниям, которые вызываются.

Пока же нам важно еще раз обратить внимание на то, что исходный, первый уровень сознания, на котором существуют вещи сознания, а именно мысли или осознанности, – это гетероструктуры, состоящие из переживательно-энергичных состояний и отношений, за которыми стоит отнесение к объективному. Этот первый уровень сознания фиксируется из второго уровня сознания, на котором осознанно культивируется и переживается немыслие или безмыслие. На этом уровне отсутствуют как образы, так и эмоциональные переживания. Именно с этого уровня выявляется мысль, вспыхивающая в сознании. Целенаправленное культивирование немыслия позволяет значительно более четко и остро переживать и выявлять мысль. Необходимо понимать, что контролируемое недопущение мысли и неосознанность – это разные процессы. Второй уровень – это достигаемое осознанное отсутствие мысли (безобразное ментальное состояние) как производная второго порядка гетероструктуры «отношение-состояние», очищение поля от всех ментальных психических остатков, отложений. Введение представлений о сознании как недопущении мысли собственно и подводит нас к уровневости сознания. Поскольку второй уровень, с которого только впервые и может познаваться первый уровень с его вещами сознания, основан на осознанном уничтожении состояний сознания первого уровня. То есть второй уровень создается целенаправленным преодолением первого уровня.

Но второй уровень сознания не конечный и не последний. Второй уровень сознания – это формирование и создание своеобразной защитной брони (немыслие – это броня!) для выхода на следующий уровень, где ведутся энергетические бои. На этом следующем уровне можно элементарно «сгореть»: сойти с ума, истощиться и получить тяжелую неизлечимую болезнь, саморазрушиться, наконец, не суметь ничего стоящего сделать. Те, кто понимают, о чем я говорю, прекрасно знают, как трудно мыслить на определенные темы, которые оказываются новыми и возникает первоначальное впечатление, что на эти темы никто никогда не думал (что потом оказывается иллюзией), либо разрабатывать ходы против определенного авторитета или определенного сложившегося стереотипа мысли. Продвижение в этом слое требует определенной анонимности мышления, своеобразного отказа от авторства мысли. Именно специально культивируемое безразличие к отсутствию мысли или наличию мысли является условием выхода к сверхсознанию.

Третий уровень сознания характеризуется выходом к сверхсознанию, и он связан с различными способами структуризации самого этого выхода. Этот третий уровень предполагает выход в энергичное поле, которое контролируется действующими на нем субъектами, где существуют доминирующие формы сознания-понимания. Поэтому такой выход предполагает выявление присутствия других действующих субъектов в данном конкретном поле, которые удерживают контур действия в данной сфере. Поэтому человек, которого выносит в это поле, первоначально наталкивается на своеобразного стража данного поля, который вызывает у него чувство непреодолимого ужаса. Результатом работы на этом уровне становится своеобразное мгновенное «чтение» других присутствующих в этом поле сознаний, их замыслов, целей и выделение того, кто удерживает данный контур. Задача действия на данном уровне состоит в том, чтобы ввести в это поле свою собственную мысль, свой собственный способ действия, свое понимание, которому противостоят другие сложившиеся понимания и способы действия. Подобная устремленность является конкурентной по отношению к другим уже имеющимся формам действия и нацеленной на то, чтобы утвердить свое. Но на это стремление утвердить что-то свое, особенное, исключительное, как правило, не хватает энергии. Поскольку энергия на введение чего-то нового или на формирование некоторой новой сферы или нового поля действия дается с четвертого уровня сознания, который характеризует действительно вселенское сверхсознание.

Четвертый уровень сознания характеризуется попаданием в «океан сознания», который не может быть в принципе вычерпан отдельными состояниями-каплями осознанностей. Данное сознание отличается актуальной бесконечностью осознанностей. «Океан сознания» характеризуется простым обстоятельством: за таким сознанием стоит, как минимум, «стомиллионный народ» (А. Ахматова), а если включить в эту общность также ее умерших членов и еще не родившихся, то численность этого народа, которому принадлежит данное сознание, будет еще больше. Фактически, речь идет о сознании цивилизационной общности, суперэтнуса и о самосознании такой общностью самой себя. Это сознание вечно, и именно поэтому это особый уровень бессмертного сознания. Только на этом уровне сознания можно получить энергию для создания чего-то нового, для «прошибания» контура установленного порядка, сложившейся традиции, установленных форм государственности, который контролируется его хранителями и держателям на третьем уровне сознания, если конечно, слом и преодоление границ этого контура необходимы. На четвертом уровне сознания можно вводить новую традицию, утверждать новый тип государственности, создавать новую профессию, образовывать из этносов новый народ. Носителем этого уровня является *чакравартин* – магический царь, который способен повернуть колесо традиции². Нам очень важно осознать себя как русский этнос [Громыко 2018]. Сознание обладает также определенными слоями проработки и описания. Первый слой проработки сознания – это знаки, символы, схемы. Это собственно **семиотико-семантический** слой организации сознания. Все, что обнаруживается в сознании, любая вещь сознания к чему-то отсылает и что-то означает, на что-то указывает и что-то показывает. В сознании ничего не существует в непосредственном виде. Можно утверждать, что осознанность как единица сознания существует как динамическая форма отсылки, отнесения, обращения к чему-то и одновременно как форма осуществления и предъявления себя, особого состояния, которое может быть определено и названо с точки зрения исключительного своеобразия происходящего внутри этой осознанности. В рамках этого первого слоя сознание представляет собой семиосферу (термин введен Ю.М. Лотманом), в которую включены схемы, символы и знаки в их различных употреблениях, а также символизм состояний психики, выражаемый, в том числе, и телесно.

Благодаря тому, что в сознании все понимается и сознание образует знаки, указывающие на что-то другое, нежели оно само, сознание может быть представлено как система взаимоотноображающих друг друга зеркал (Г.П. Щедровицкий). Отнесения и соотнесения образуют **зеркально-отражающую** природу сознания. Эта природа состоит в том, чтобы что-то отнести к чему-то другому, чтобы что-то с чем-то соотнести или чтобы сам процесс соотнесения отнести к чему-то. Это второй слой анализа и проработки сознания. В рамках этого второго слоя анализа сознание выступает как система разнотермальности и зеркальных операторов. В этом заключается особая неуловимость, неухватываемость сознания. Сознание не обладает своим собственным специфическим содержанием, поэтому оно как бы неуловимо. Поскольку его содержание – это отражение того, что уже отражено. Оно просто отражает содержания, которые формируются в разных практиках, науках, позициях, но не порождает эти содержания. Переносит содержание из одних систем в другие, с одних экранов на другие, с одних верстаков, где эти содержания создаются, на другие. Конечно, при подобном отображении и переносе сами содержания могут преобразовываться и изменяться, подобно тому, как в комнате «кривых зеркал» разные зеркала – вогнутые, выпуклые, искривленные – по-разному отражают размещенные перед ними предметы.

В силу того, что сознание обладает зеркально-отражающей, переносящей содержания из одного места в другое динамикой, у человека, включенного в работу сознания и осознающего принципы действия, возникает понимание и переживание бесконечной и непрерывной работы сознания. Как говорил немецкий философ-неофихтеанец Ханс Гливицки³, процессы сознания развертываются неостановимо и вечно. Можно помыслить физическую смерть человека, но отражающая работа сознания будет продолжаться и после его смерти. Если, конечно, не считать, что суще-

ствуют только индивидуализированные солипсические сознания, непроницаемые для других людей. Только в этом случае со смертью данного конкретного человека умирает и его индивидуализированное сознание. Но собственно философия, искусство, наука и политика создают непрерывно действующий всеобщий «театр сознания». Этот слой анализа сознания можно было бы назвать **континуально-динамическим**, выявляющим непрерывное осуществление и развертывание процессов сознания. В соответствии с данным слоем проработки, сознание выступает как непрерывное осуществление процессов. Процессы сознания развертываются постоянно.

Конечно же, человек по-разному может быть включен в процессы развертывающегося сознания. И это включение определяется мерой пробужденности человека, уровнем отрезвления или, наоборот, опьянения и сна, ибо, безусловно, существует «пьяное сознание» и «спящее сознание». В этом случае речь идет о форме энергичной открытости человека к процессам сознания. Безусловно, этот слой проработки сознания связан с анализом включенности конкретной индивидуальной телесности человека в процессы сознания. В определенный момент для того, чтобы открываться к более высоким уровням организации сознания, человеку нужно осуществлять обновление телесности, ее энергичную проработку. Об этом очень глубоко и трепетно пишет и говорит философ-китаевед В.В. Малявин. Сознание приращено, пристроено к телесности, к системе телесных движений. Преобразование и переорганизация телесности при стремлении к совершенствованию движений – это духовный акт, поскольку замысел и твердое намерение совершенствования и обновления телесности человек удерживает в своем духовном намерении, которое никак материально не представлено. И более того, этому духовному намерению-видению противостоит испорченная телесная природа. **Четвертый слой проработки сознания – это единство противоположно направленных движений человека: пробуждения и вхождения в сон (засыпания).** Через сон человек может что-то впустить в себя, чему противилась сложившаяся энергичная организация сознания и что она не впускала, и одновременно осуществить выведение чего-то из сознания, забвение чего-то, что занимало в сознании слишком большое место. Таким образом, человек может одновременно пробуждаться по отношению к чему-то одному и засыпать по отношению к чему-то другому.

Подобное противодвижение пробуждения-засыпания тождественно осуществляемым одновременно с ним противоположным актам припоминания-забвения. Человек что-то начинает припоминать, а что-то забывает, целенаправленно выводит за рамки своего сознания. С идеей памятования связана, по Флоренскому, трактовка истины. Истина – это то, что не погружается в реку Забвения. Алетейя – это незабываемое, незабвенное. Видимо, возможно понимание истинности как своеобразного бдения, пробуждения *буддховости* (это – индо-буддистский вариант истины). Истина есть энергичная пробужденность и сверхчувствительность к чему-то.

Задача осуществления этих противоположных актов состоит в том, чтобы изменить в целом энергичный уровень сознания, чтобы в целом проснуться, перестать спать. Сознание при подобных процессах выступает как осознание непрерывности самих переходов от сна к бодрствованию и от бодрствования ко сну, от припоминания к забыванию и от забвения к припоминанию. Осознанное совмещение в сознании подобных противотоков, противоположных по направленности процессов, порождает своеобразный вихрь, новую энергичную точку сознания, которая обеспечивает достижение другого уровня светозарности. Происходит перестройка целого ряда функций: человек может полуприсутствовать с необходимостью в многофокальном распределенном внимании, одновременно собираясь для совсем другого фокуса переноса основной активности и основных усилий. Конечно, энергичная переорганизация сознания должна быть направлена на то, чтобы в конце концов **осознать**, что сознание светит не своим светом, то есть дотянуться до нетварного света сознания (С.С. Хоружий).

Возможно, самый интересный момент нашей исторической эпохи состоит в том, что стала поддаваться изменениям общекультурная матрица нашей общечеловеческой психической природы, непосредственно прикрепленные к человеку, наращенные над

его сознанием психические процессы. Эти изменения определяются множеством событий: и использованием электронных систем для распространения визуальных сообщений; и визуальным моделированием воспринимаемой реальности; и новыми направлениями в кинематографии, живописи, театре, искусстве в самом широком смысле; и созданием компьютерных систем виртуальной реальности, формирующих новый опыт для человека; и обращением к анализу высших способностей святых и выдающихся представителей разных религий; и сближением в едином поле взаимодействия представителей разных этносов, культур, традиций.

Еще двадцать лет назад представить, что кто-то скажет, что мы не видим, не воспринимаем образы, не вспоминаем, не направляем внимание, а что-то делаем совсем другое, было просто невозможно. Конечно, мы только то и делали, что воспринимали вне нас находящиеся предметы, вспоминали и обращали внимание на внешние вещи. Но в мире произошли изменения, и появился вопрос, а что мы делаем, когда что-то воспринимаем или ощущаем. Появление подобного вопроса не означает, что люди XXI-го века стали все острее и глубже чувствовать. Наоборот, казалось бы, находясь в сверхскоростном режиме жизни, люди не находят времени на обостренное более тонкое восприятие происходящего, чем, скажем, у людей начала XX-го века. Это означает, что с людьми происходит много всего разного, когда они смотрят на какую-либо вещь или на лицо собеседника. И люди стали сознавать, что с ними происходит что-то совсем иное, когда они смотрят на вещи и слушают собеседников. Метапознание становится элементом обыденной жизни.

Все эти шокирующие обычного среднего человека процессы приводят к тому, что человек начинает чувствовать и видеть «нечто» помимо того, что он привык воспринимать и понимать. Этот процесс, что очень важно, носит массовый, общественный характер. Люди задумались о том, насколько они точно воспринимают и понимают окружающую реальность и самих себя, насколько они работают в «тонких» процессах. Если это происходит с одним человеком, то очень важно не сойти с ума. Поскольку в этом случае человек начинает понимать и воспринимать то, что совершенно не осознаётся и не понимается другими, и он невольно оказывается один. Подобное одиночество очень непросто выдержать. Нечто подобное хорошо известно и описано антропологами при изучении так называемого «шаманского опыта», когда человек вынужден осуществлять преобразование и переделку собственного сознания. Но если вдруг элементы шаманского опыта начинают приобретать характеристики общественного, социального процесса – это совершенно другое дело.

На наш взгляд, произошло следующее – перестала работать упорядочивающая психический опыт категориальная матрица. Требуется принципиально другая категоризация того, что мы чувствуем, и того, во что мы психически включены. Трансформация матрицы означает, что мы взяли за ту работу органов чувств и сознания, которая была осознана и описана И. Кантом. При этом И. Кант описывал и характеризовал в целом индоевропейский опыт. Но, оказывается, можно выходить за рамки тех концептуально-категориальных упорядочиваний, о которых говорил И. Кант. Прежде всего, необходимо выйти за пределы упорядочивания работы сознания категориальной схемой субъект-объект. Слом матрицы И. Канта определяется тем, что психическим функциям не противостоит формальная логика.

Формальная логика является одним из видов исчислений по отношению к высказываниям, содержащимся в текстах. Формальная логика напрямую даже не соотносится с процессами мышления, которые являются одним из типов процессов, включающих психику и сознание. Но более того, психика и сознание не соотносятся напрямую с объектом и предметом-вещью, которые надо познавать, схватывать. Объект и предмет выступают в виде определенных конструкций, которые не обладают первоначальной, исходной непосредственностью для сознания и психики. Исходной, первичной непосредственностью обладают процессы коллективных взаимодействий людей друг с другом, в которые погружено сознание. Эта исходная включенность сознания в коллективные процессы является совершенно другой феноменологией, чем феноменология Гуссерля, Хайдеггера, Мерло-Понти и Шютца. И это хорошо

понятно, поскольку речь идет не о результатах наблюдения за сознанием со стороны философа, который вдруг начал эксперимент наблюдения сознания, а о некотором базовом режиме работы сознания, обеспечивающем антропологическое развитие всякого человека. С точки зрения этих базовых режимов, сознание исходно коллективно и включено в процессы взаимодействия с людьми и понимания людей. Только трансформируя себя и коллективную общность, человек может выходить на новые уровни своей антропологической организации. Человек по своей природе существо глобально-общественное и локально-общественное, макросоциальное и микросоциальное. Он подвержен изменениям глобального социума, и он изменяется, участвуя в преобразовании микросоциума — общностей и сетей из различных групп, в которых он движется и функционирует.

С другой стороны, всю эту феноменологическую линию мировой философии можно рассматривать как подготовку экспериментального прототипа со стороны философов, обеспечивающих на следующем этапе массовую практику работы с сознанием всякого конкретного человека. Осознание того, что знание — это не просто набор сведений, которые сбрасываются в некоторый пустой ящик и хранятся там до момента их употребления, но что это практикуемые техники преобразования собственной телесности и энергийных режимов жизни; и что смена мировоззрения предполагает изживание предшествующих ценностей и знаний вплоть до смены своей физиологической организации и отношения к самому себе и другим, является очень важным результатом общественного понимания конца XX — начала XXI вв. Человек XXI в. сможет прожить за свою жизнь смену нескольких разных антропологических организаций себя, трансформируя и перестраивая режимы питания, режимы отдыха и напряженной работы, системы своих привычек, обретая возможность обновления и регенерации, которые очень важны для освоения новых наук и практик. Но главным является изменение форм организации сознания, которое опирается и на обретение нового опыта телесности, и на новые интеллектуальные режимы работы сознания. Формирование массовых практик антропологического развития, обеспечивающих преобразование и изменение форм организации сознания, ценностно-энергийный рост человека как всеобщую возможность, является одним из ключевых факторов смены общего вектора общественного развития. Развитие от совершенствования и наращивания внешних технологических систем должно пойти внутрь к человеку, к наращиванию его потенциала. Это собственно и есть процесс интенсификации развития за счет использования гуманитарно-антропологического фактора. Это есть третья гуманитарно-антропологическая волна: первая волна была связана с ликвидацией неграмотности, вторая — с массовым высшим образованием.

Безусловно, при возникновении этого направления продвижения к будущему возможны всякие крайние варианты, как, например, отказ вообще от любых удобств цивилизации, запрет на совершенствование техники, крайний аскетизм и обращение исключительно к работе с собственной телесностью. Но срединный главный путь, на наш взгляд, будет, конечно же, связан с подъемом уровня сознания и одновременно с созданием новых технологических систем за счет использования новых физических принципов и эффектов. Более того, основное направление формирования новых технических и технологических систем основывается на определенном уровне развития сознания. Этот процесс уже происходит, но он настолько органично встроен в существующие системы потребления, что часто и не замечается. Это, прежде всего, появление самых разнообразных автоматов и роботов — от поисковиков в интернете до использования банковских автоматов (см., например [Таратута, Давлетгильдеев 2013]).

При этом нам все более важно различать то, что искусственно делает всеобщее человечество, и то, что не может быть сегодня им сделано, что выступает в качестве естественной природной субстанции, но что человек может оберегать и культивировать, очищать, специально «кормить», в том числе, и в своем организме. Наличие такой искусственно не создаваемой живой субстанции является защитой от всяких киборгообразных фантазий «трансхьюма». Хотя, конечно же, человечество будет все

время пытаться воспроизводить жизнь или, по крайней мере, приближаться к этой границе, к возможности ее тотального воспроизводства.

Здесь обнаруживается огромное поле поиска обновленного общественного человека, который в постоянной повседневной своей жизни осуществляет усилие по преобразованию и изменению себя, наращиванию новых возможностей и способностей. Это совершенно иной путь, нежели путь религиозного аскетизма и святости в религиозной традиции (см. работы С.С. Хоружего). Хотя предельные образцы святости, представленные в религиозной традиции, показывают границы, к которым должно двигаться человечество, стремясь к своему бессмертию, но путь реализации элементов святости в миру при осуществлении общественных практик устроен совершенно иначе, чем святость, культивируемая в религиозной традиции. Что еще очень важно — включение в практики общественного развития обязательно предполагает наращивание потенциала и возможностей человека, превращение его в сверхличность, которую он выстраивает и организует сам. Превращение собственных форм организации сознания в предмет различных способов преобразования-изживания, обнаружения других энергичных режимов, в предмет целенаправленного культивирования особых ценностно-значимых состояний является важнейшим моментом миромыследеятельностного подхода [Громыко 2018] по работе человека с собственной личностью.

Примечания

¹ Проблеме Вещи был посвящён номер журнала “Inter Esse. Журнал ученых и философов”. Москва. Осень-зима. 2011/2012.

² «Чакравартин» в переводе с санскрита и означает: тот, кто поворачивает колесо.

³ Личные беседы и дискуссии в Баварской Академии наук совместно с Н.В.Громыко и Эрихом Фуксом, знаменитым издателем наследия И.Г. Фихте.

Ссылки — References in Russian

Громыко 2011 — *Громыко Ю.В.* Вещи и политика: к понятию метаполитической вещи. // Inter Esse. Журнал ученых и философов. Москва. Осень-зима 2011/2012. С. 44–53.

Громыко 2018 — *Громыко Ю.В.* Миропорядок Razvitie. Миромыследеятельностный подход к формированию практик развития. М.: Palmarium Academic Publishing. 2018.

Таратута, Давлетгильдеев 2013 — *Таратута Ю., Давлетгильдеев Р.* Дмитрий Гришин о неприятностях Павла Дурова, цензуре в интернете и роботах. [Tvrain.ru, 20.07.2013] // https://tvrain.ru/teleshov/dozhd_v_peterburge_vkljuchenija_s_pmef_2013/dmitrij_grishin_o_neprijatnostjakh_pavla_durova_tsenzure_v_internete_i_nashestvii_robotov-346159/

Voprosy Filosofii. 2019. Vol. 4. P. 185–195

Consciousness as an Archivist. On the Way to Psychomatics: the Discipline that Discovers New Intellectual and Spiritual Functions

Yuri V. Gromyko

The article presents a concept of consciousness, which is the development of both classical approaches to the consciousness of European philosophers (German classical philosophy, Husserl, Heidegger, Merleau-Ponty, etc.), as well as the Buddhist understanding of consciousness. The author proposes to consider the thought (a unit of consciousness) as a thing of consciousness. The thought itself is presented as a unity of heterogeneous entities: spiritual-emotional state and attitude-orientation. The idea of a layered structure of the organization of consciousness is introduced; this structure contains four layers: a semiotic-semantic layer, a mirror-reflecting layer, a continual-dynamic (procedural) one and a

layer-unity of opposing movements. Four levels of the organization of consciousness are considered: the level at which things of consciousness exist; the level of attained deliberate absence of thought; the level of interaction (including struggle) with the dominant forms of consciousness-understanding; and the level of consciousness of a civilization community (a superethnos) and of self-consciousness of such a community. A new understanding of consciousness is necessary for the formation of mass practices of anthropological development as one of the key factors in changing the overall vector of social development.

KEY WORDS: consciousness, things of consciousness, levels of consciousness, layers of consciousness organization, psycho-spiritual functions, psychomatics.

GROMYKO Yuri V. – Schiffers Institute for Advanced Studies, 2-207, Maliy Koshkovsky pereulok, Moscow, 123242, Russian Federation.

DSc in Psychology, Professor, Director, E. Schiffers Institute for Advanced Studies.

nmu2005@yandex.ru

Received on January 7, 2019.

Citation: Gromyko Yuri V. (2019) 'Consciousness as an Archivist. On the Way to Psychomatics: the Discipline that Discovers New Intellectual and Spiritual Functions', *Vo-prosy Filosofii*, Vol. 4 (2019), pp. 185–195.

DOI: 10.31857/S004287440004818-4

References

Gromyko, Yuri V. (2011) 'Things and Politics: on the Notion of a Metapolitic Thing', *Inter Esse. Journal of Scientists and Pilosophers*, Moscow, Autumn-Winter 2011/2012, pp. 44–53 (in Russian).

Gromyko, Yuri V. (2018) *World Order Razvytie. World-Thought-Activity Approach to the Formation of Practices of Razvytie*. Palmarium Academic Publishing, Moscow, (in Russian).

Taratuta, Julia; Davletgildeev, Renat (2013) 'Dmitri Grishin about the troubles of Pavel Durov, censorship on the Internet and robots'. *Tvrain.ru*, 20.07.2013. URL: https://tvrain.ru/show/dozhd_v_peterburge_vkljuchenija_s_pmef_2013/dmitrij_grishin_o_neprijatnostjah_pavla_durova_t_senzure_v_internete_i_nashestvii_robotov-346159/ (in Russian).